

18+

ПОТОЛОК - ТРИ ДВАДЦАТЬ

Артем Стерхов



Артём Стерхов

Потолок — три двадцать

«Издательские решения»

Стерхов А.

Потолок — три двадцать / А. Стерхов — «Издательские решения»,

Один дом. Один подъезд. Одна суббота. Пятнадцать квартир старой хрущёвки. За каждой дверью — своя жизнь. Пятнадцать историй сплетаются в один день. Смех, слёзы, надежда, отчаяние. «Потолок — три двадцать» — это роман о том, как близко мы живём друг к другу и как далеко друг от друга. О стенах, которые не умеют хранить тайны. О людях, которые не умеют просить о помощи. И о том, что настоящая жизнь всегда громче любого перфоратора.

© Стерхов А.

© Издательские решения

Содержание

Квартира №2. «Последний вечер»	6
Квартира №5. «Гитлер в юбке»	13
Квартира №6. «Чужие»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Потолок — три двадцать

Артём Стерхов

© Артём Стерхов, 2026

ISBN 978-5-0070-2924-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Квартира №2. «Последний вечер»

Суббота, май. Время ближе к восьми вечера.

Сергей помнил запах этой квартиры с детства. Пахло подъездом — сырой штукатуркой и кошачьей мочой с первого этажа, — но внутри было другое. Здесь пахло бабушкиными пирогами, дедовым табаком «Беломор», сыростью от вечно мокрых пелёнок, которые сушили на раскладной решётке над ванной.

В этой квартире он вырос сам. Сначала — с матерью и отцом, потом — с одной матерью, когда отец ушёл к другой женщине и растворился где-то в девяностых, как растворялось тогда всё: заводы, деньги, семьи. Потом — с матерью и её новым мужем, дядей Толей, который пил, но был добрым. Потом — один с матерью, когда дядя Толя замёрз насмерть на остановке в две тысячи четвёртом. Потом — с матерью, Оксаной и Алёнкой. Потом мать умерла. Инфаркт. Быстро. Неделю назад — три года, как её нет, а Сергей всё ещё иногда прислушивается к звукам из её комнаты. Теперь там детская.

Квартира была двушкой. Комнаты смежные — проходной зал и спальня, куда можно попасть только через зал. Эту планировку в народе называли «трамвайчик». Сергей ненавидел её подростком: никакого уединения, никакой личной жизни. Приводишь девушку — и она тут же знает всё про твою семью, потому что родственники ходят мимо дивана в туалет. Только когда родился Тимофей, он вдруг оценил эту смежность: проснулся ночью, прошёл через зал — и вот он, сын, сопит в кроватке. Близко. Рукой подать.

Теперь эта близость душила. Потому что чем ближе люди друг к другу, тем больнее отрывать.

Кран капал с октября. Сергей помнил точно: шестнадцатого октября они с Оксаной поругались из-за денег, и в тот же вечер он услышал этот звук — кап-кап-кап. Ритмичный, как метроном. Сначала тихий, потом всё громче. Бесил невероятно. Оксану бесил особенно — она вообще была чувствительна к звукам после рождения Тимофея, любой шум вызывал у неё мигрень.

- Вызови сантехника.
- Да починю я сам, что я, рукожопый?
- Ты автомеханик, Серёж, а не сантехник. Это другое.
- Какая разница? Железо и там, и там.

Но руки не доходили. То смена в сервисе выпадала длинная, то с детьми надо было посидеть, то просто усталость такая, что даже думать о кране не хотелось. Лежишь на диване, смотришь в потолок, а в голове — белый шум.

А теперь он сидел на крошечной кухне и разбираал смеситель. За окном — субботний вечер, мальчишки гоняют мяч во дворе. Пыль стоит столбом. Крики: «Го-о-ол!» и «В штангу!» — долетают приглушённо, окна-то закрыты.

Оксана закрыла их с утра. Бойтся сквозняков. Бойтся всего. Сергей знает: это не окна она закрывает, это она пытается закрыть саму реальность, закупорить семью в этом последнем дне, как в банке, чтобы никто не вошёл и никто не вышел.

Он смотрел на её спину. Она стояла у плиты, помешивала борщ в большой кастрюле. Плечи напряжены, лопатки сведены, как у человека, который готовится к удару. Три дня назад, когда пришла повестка — не по почте, а лично в руки, Сергей расписался и ещё пошутил: «Ну что, курьерская доставка», — Оксана не засмеялась. Она молча села на табуретку в прихожей и сидела так полчаса, глядя в одну точку. Алёнка тогда испугалась, начала дёргать её за рукав: «Мам, ты чего? Мам!» А Оксана просто молчала, и это молчание было страшнее любой истерики.

Сергей достал старую прокладку. Она совсем сгнила, раскрошилась в пальцах. Он вспомнил, как они с Оксаной познакомились. Две тысячи пятнадцатый год. Август. Он менял ей масло в сервисе. Она приехала на старой «Хёндайке», вся такая смешная, деловая, в очках. «У меня там что-то стучит». Он открыл капот, посмотрел: «Тут не стучит, тут плачет». Она обиделась сначала, а потом рассмеялась. Через месяц они уже жили вместе. Ещё через полгода — свадьба в местном загсе, скромная, без лимузинов и голубей, только родители и пара друзей. Зато весело было — танцевали до утра, дядя Толя ещё живой был, плясал так, что половицы ходуном ходили.

Сейчас Оксана обернулась. Посмотрела на него.

— Починишь?

— Ага. Тут прокладка. Я в гараже завтра... — он осёкся. Завтра он не пойдёт в гараж.

Завтра он наденет форму. Она висит в спальне, на плечиках, за дверцей шкафа. Оксана не хотела вешать её в прихожей — сказала, что дети не должны видеть. Сергей согласился, хотя подумал: «Дети всё равно увидят». Но спорить не стал.

Форма пахла складом. Казённый запах новой ткани, ещё не обмятой по телу. Когда он примерял её — просто проверить размер, — Оксана вышла из комнаты. Не смогла.

В зале работал телевизор. Старый «Самсунг», который Сергей притащил от матери: экран уже по краям затемнялся, но выбрасывать было жалко. Там шёл какой-то субботний концерт на «России-1». Петросян или кто-то вроде него шутил шутки, которым смеялись только те, кому за шестьдесят. Алёнка не смотрела — она сидела на диване, поджав ноги, и рисовала.

Алёнка была странным ребёнком. Не по годам серьёзная. Когда в школе задали написать сочинение «Моя семья», она написала: «У меня есть папа, мама и брат. Мой папа работает в автосервисе. Когда я вырасту, я тоже буду там работать, чтобы чинить машины и чтобы папа не уставал». Учительница позвонила Оксане, спросила: «У вас всё в порядке?» Оксана ответила: «Да, всё хорошо». А на самом деле плакала потом весь вечер, потому что поняла: дочь видит то, что они пытаются скрыть. Видит, как отец приходит в десять вечера с чёрными от масла руками и ложится на диван, даже не поужинав.

Сейчас Алёнка рисовала открытку. Она взяла фломастеры — самые яркие, какие у неё были: красный, синий, зелёный. Она не знала, что рисуют на войну. В её мире война была чем-то из книжек про Великую Отечественную — с красными звёздами, знамёнами и надписью

«За Родину!» Поэтому она нарисовала звезду. И танк — зелёный, как в мультике. И человечка в каске. Человечек улыбался.

Потом она написала: «ПАПА ВОЗВРАЩАЙСЯ». Буквы получились неровные, потому что она спешила. Буква «Щ» не влезла в строку, и она приписала её сбоку, отчего надпись выглядела сползающей вниз. Как будто слова падали.

Она посмотрела на рисунок и вдруг поняла, что человечек в каске улыбается, а папа сегодня не улыбался ни разу. Она взяла чёрный фломастер и аккуратно перечеркнула улыбку. Потом задумалась и подрисовала слезу. Одна капля. Маленькая, едва заметная. Как у неё самой — она плакала, но тихо, без звука, чтобы не расстраивать маму.

Тимофей не плакал. Он вообще не понимал, что происходит. В три года мир простой: есть мама — тепло, есть папа — весело, есть мультики — хорошо. Что ещё нужно? Он сидел на полу, в одной майке и трусах, и собирал конструктор. Большие пластмассовые блоки, которые Сергей привёз с оптового рынка на день рождения сыну. Тимофей строил башню, но башня падала, и он начинал сначала.

Час назад Сергей подсел к нему на пол. Колени хрустнули — старая травма с сервиса, когда на него упал домкрат. Он поморщился.

— Пап, давай строить.
— Давай.

Они собрали что-то, отдалённо напоминающее машину. Потом Тимофей заявил, что это танк, и начал возить его по полу, издавая звук мотора губами: «Вжжжж!» Сергей смотрел на него и думал о том, что через месяц, через два, через полгода Тимофей привыкнет к тому, что папы нет. Дети привыкают быстро. Это и утешало, и ужасало одновременно.

— Бабах! — сказал Тимофей и разрушил танк. — Всё, война кончилась!
— Кончилась, — эхом повторил Сергей.
— А ты куда завтра?
— По делам.
— На работу?
— Ага. На работу.

Тимофей удовлетворился ответом и побежал к маме требовать печенье. Сергей остался сидеть на полу, прислонившись спиной к дивану. Отсюда, снизу, квартира казалась огромной. Потолок — почти три метра, хотя по факту два сорок восемь. Он помнил, как в детстве смотрел на этот потолок и думал: «Вот бы полетать под ним». Сейчас он смотрел и думал: «Вот бы остаться».

Оксана в ванной включила воду. Не для того, чтобы мыться, — чтобы не слышали, как она плачет.

Она стояла, вцепившись руками в край раковины, и смотрела на себя в зеркало. Из зеркала на неё смотрела женщина, которой она себя не ощущала. Ей было двадцать девять, а выглядела она на тридцать пять. Мешки под глазами, седой волос на виске — она заметила его

месяц назад и выдернула, но он вырос снова. Волосы, собранные в небрежный пучок, футболка в муке, на руке — ожог от противня, который она схватила голой ладонью.

«Какая я? — думала она. — Я — жена мобилизованного. Я — соломенная вдова. Я — та, кого будут жалеть в очереди в детской поликлинике: „Ой, а вы одна с двумя? А муж где?..“ И я буду отвечать: „Там“. И все сразу поймут. И будут смотреть с этой жалостью, от которой тошнит».

Она ненавидела слово «там». Оно было как чёрная дыра, в которую проваливалось всё. Планы на отпуск, мечты о втором образовании, даже дурацкий спор о том, кто вынесет мусор. Всё, что было их общей жизнью, теперь делилось надвое чёткой линией — «до» и «там».

Она плеснула в лицо холодной водой. Стало немного легче. Вода здесь была жёсткая, известковая, оставляла белую накипь на кранах. Сергей ругался: «Воду надо фильтровать, зубы же испортим». Но фильтр так и не купили — то денег не было, то времени, то забывали.

Теперь она думала: «А если с ним что-то случится, я буду помнить этот незаконченный спор о воде. Я буду помнить капающий кран и то, как он его чинил в последний вечер».

Она вытерла лицо. Посмотрела на полку над раковиной. Там стояла его бритва — простая, одноразовая, «Жиллетт». Рядом — детский шампунь «без слёз». Их запахи смешивались в ванной, и она вдруг поняла, что этот запах — их семейный, родной, тот, по которому она будет скучать больше всего.

Она вернулась на кухню. Сергей сидел в той же позе — склонившись над смесителем. Его спина была широкая, крестьянская. От него пахло железом и немного потом — он с утра помогал соседу с машиной. Оксана подошла и молча встала сзади. Положила ладонь ему на загривок.

Он замер.

— Что?

— Ничего. Просто постоять.

Они так и стояли — она сзади, он с гаечным ключом в руке. Где-то наверху играла музыка — у Светы из пятой квартиры был день рождения. Басы долбили так, что дрожала люстра. Оксана ненавидела эту музыку сейчас и одновременно завидовала Свете — та смеялась, праздновала, жила обычную субботу.

— Серёж, — сказала она тихо.

— М?

— Ты только не геройствуй там. Ладно? Не надо подвигов. Надо вернуться.

Он помолчал. Потом ответил:

— Я не герой. Я просто починить кран хочу.

И это было самое честное, что он мог сказать.

Алёнка вошла на кухню. Она держала рисунок обеими руками, как носят что-то очень ценное — хрустальную вазу, или просфору из церкви, или раненого котёнка.

— Пап, это тебе.

Сергей отложил ключ, вытер руки о треники — старые, с пузырями на коленях, — и взял листок. Долго смотрел. Читал по слогам, хотя уже понял всё с первого взгляда.

«ПАПА ВОЗВРАЩАЙСЯ»

— Красиво, — сказал он. — Очень красиво. А это что за человек?

— Это ты.

— Я улыбаюсь?

— Нет. Ты плачешь.

Он посмотрел на дочь. Она смотрела на него серьёзно, без улыбки. Испытывала его — сможет ли он выдержать правду. Сможет ли признать, что человек в каске плачет.

— Да, — сказал Сергей. — Это я. Я плачу.

И Алёнка вдруг бросилась к нему, уткнулась лицом в живот, обхватила руками. Плечи её затряслись.

— Я не хочу, чтобы ты туда! — закричала она. — Я не хочу! Пусть туда идут другие! У нас Тимошка маленький! Я буду плохо себя вести! Я буду кричать! Я их всех укушу!

Оксана попыталась оторвать её, но Сергей покачал головой: «Не надо». Он гладил дочь по голове, по худенькой спине, чувствуя, как её слёзы пропитывают футболку.

— Алён, слушай. Слушай меня. Я вернусь. Ты меня знаешь — я всегда возвращаюсь. Помнишь, я говорил, что починю твой велосипед? И починил.

— Велосипед — это другое! — рыдала она.

— Нет. Это одно и то же. Папа сказал — папа сделал. Я вернусь. Я обещаю тебе. Ты слышишь? Обещаю.

Она затихла. Верила ли она ему? В семь лет ещё верят обещаниям. Это потом, с годами, придёт знание, что обещания — всего лишь слова, которые можно нарушить. Но пока ей было семь. И папа был самым главным человеком в мире. Если папа говорит, что вернётся, — значит, так и будет.

Он сложил рисунок вчетверо и убрал в нагрудный карман футболки. Туда, где сердце.

В дверь позвонили.

Звонок был старый, ещё мамин — механический, с дребезжанием. Когда-то он звонил часто: соседки приходили за солью, мамыны подружки — на чай, дядя Толя — пьяный и весёлый. Потом звонки стали реже. А теперь звонок в дверь вызывал у Оксаны только страх.

— Я открою, — сказал Сергей.

На пороге стояла Света из пятой квартиры. Она была в нарядном платье, с блестящими тенями на глазах, слегка пьяная. В одной руке она держала тарелку с тортом, замотанную в фольгу, в другой — пластиковый стаканчик с вином.

— Ой, Серёж... — она явно не ожидала, что он будет выглядеть так. Обычно он был в рабочем комбинезоне, в масле, всегда куда-то спешащий. А сейчас — дома, в старых трениках, и лицо у него было такое, будто он только что сам всё понял про жизнь. — Я это... С днём рождения меня. И тебя... с этим...

Она запнулась. Ей было неловко. Полчаса назад, когда она резала торт среди весёлых гостей, она вдруг вспомнила, что Сергея из второй квартиры завтра отправляют. Вспомнила Оксану — худенькую, с младенцем на руках. И ей стало так стыдно за свою весёлую вечеринку, что она вышла на лестницу и заплакала. Подруги не поняли: «Свет, ты чего?» А она не могла объяснить. Просто представила себя на месте Оксаны — и ужаснулась.

— Серёг, короче, ты это... возвращайся, — она сунула ему тарелку и стаканчик. — Там мои девчонки тебя тоже... ну это... желают. В общем, давай.

И она прижалась к нему, обняла неуклюже, ткнулась носом в плечо.

— Ты извини, что мы шумим. Я сделаю потише.

— Не надо, — сказал Сергей. — Шумите. Это хорошо, когда шумят.

Света отстранилась, шмыгнула носом. Глаза у неё блестели.

— Если Оксане помощь какая нужна будет — ну, там, с детьми посидеть или в магазин, — ты ей скажи, пусть стучит. Я рядом. Мы все рядом. Правда.

— Спасибо.

Она ушла, стуча каблуками по лестнице. Сергей закрыл дверь. Постоял, глядя на тарелку с тортом, — «Наполеон», кажется. И стаканчик с красным вином. От вина пахло кислинкой.

Он вернулся на кухню. Оксана стояла у окна, спиной к нему. Плечи у неё вздрагивали.

— Там торт... — сказал Сергей.

Она обернулась. Лицо мокрое.

— Я не хочу торт. Я хочу, чтобы ты был.

Он поставил тарелку на стол. Подошёл к ней. Обнял — крепко, до хруста. Оксана уткнулась ему в грудь и наконец разрыдалась в голос. Не так, как в ванной, — глухо, за закрытой дверью, — а по-настоящему. В голос. Взахлёб. Как ревела в детстве, когда разбила любимую чашку или потерялась в парке.

— Я не смогу, не смогу, не смогу... — повторяла она.

— Сможешь.

- Я не хочу мочь! Я хочу, чтобы всё было как раньше!
- Будет. Всё будет.
- Ты не знаешь!
- Не знаю. Но верю.

Они стояли на кухне, между плитой и холодильником, и пространства было так мало, что не повернуться. Но этого хватало. Этого было достаточно, чтобы вместить всё: их любовь, их страх, их надежду. Всю их жизнь на сорока двух квадратных метрах.

Наверху, у Светы, заиграла очередная песня — что-то медленное, лиричное. Кажется, «Батарейка» группы «Жуки». Сергей усмехнулся сквозь подступающий к горлу ком:

- Нашёлся у них диджей.

Оксана тихо засмеялась. Смех и слёзы смешались.

- Ты дурак.
- Знаю. За это и любишь.

В зале, на диване, уснул Тимофей. Алёнка сидела рядом и смотрела, как на экране ноутбука Маша в очередной раз обхитрила Медведя. Она слышала, как мама плачет, — но теперь уже не боялась. Потому что папа был рядом.

Она посмотрела на свою ладонь. Маленькую, с обкусанными ногтями. И вдруг представила, что эта ладонь — внутри большой папиной руки. Так, как было всегда. И так, как будет, когда он вернётся.

— Папа починил кран, — сказала она спящему брату. — Значит, он вернётся. Потому что починенный кран — это навсегда. А война — нет.

На плите остывал борщ. Рюкзак стоял в прихожей. Завтра Сергей наденет форму и уедет. Но это будет завтра.

А сегодня — суббота. Май. Тополиный пух ещё не полетел.

Квартира №5. «Гитлер в юбке»

Суббота, май. День рождения Светланы.

Светлана проснулась в семь утра с мыслью: «Сегодня мой день, и всё должно быть идеально».

Она лежала в постели, глядя в потолок, и мысленно перебирала список. Салаты: оливье, селёдка под шубой, крабовый. Горячее: курица, запечённая с картошкой. Торт: «Наполеон», его она заказала в кондитерской, слава богу, не самой. Напитки: шампанское для девочек, коньяк для тех, кто предпочитает. Гости: шесть человек, проверенные, свои. Начать в три. К восьми чтобы все разошлись — завтра воскресенье, но у неё правило: никаких гостей после девяти.

Она села на кровати. Рядом, на тумбочке, лежал телефон. Эсэмэс от бывшего мужа не было. Она не ждала — она принципиально не ждала, — но всё же проверила. Пусто. Ну и чёрт с ним. Козёл.

Светлана встала, накинула халат и пошла на кухню. Там уже сидела Аня, младшая. Восемь лет, светлые волосы, пухлые щёки — копия Светланы в детстве. Аня ела хлопья с молоком и смотрела мультики на планшете.

— Доброе утро, мам.

— Доброе. Ты умывалась?

— Да.

— Зубы?

— Да.

— Планшет убери, ешь нормально. Что за привычка — жевать перед экраном?

Аня послушно отодвинула планшет. Светлана включила чайник, достала чашку — строго, чёрную, без рисунков. Она не любила «сюсюканье» ни в чём: ни в посуде, ни в одежде, ни в разговорах. Её вкус был острым, как хорошо заточенный нож.

— А Даша где?

— Спит ещё.

— Спит? — Светлана бросила взгляд на часы. — Половина восьмого, а она спит? У неё экзамен через две недели, а она спит!

Она развернулась и пошла в комнату дочери. Дверь была закрыта. Светлана постучала — резко, требовательно.

— Даша! Подъём!

Тишина.

Она открыла дверь. Даша лежала в кровати, накрывшись одеялом с головой. Из-под одеяла торчали наушники. Светлана сорвала одеяло. Даша вздрогнула, вытащила наушник.

— Ты чего?

— Уже половина восьмого. Ты когда собиралась вставать? У тебя экзамен через две недели, ты хоть что-то выучила? Или ты думаешь, что биология сама в голову залезет?

Даша посмотрела на неё долгим взглядом. У неё были тёмные волосы — не как у матери, а как у отца. И глаза — карие, глубокие, с поволокой. И нос — его нос. И эта привычка смотреть исподлобья — его привычка. Светлана каждый раз внутренне вздрагивала, когда ловила этот взгляд.

— Мам, сегодня суббота. Я встану через полчаса.

— Ты встанешь сейчас. И убери в своей комнате — вечером гости, я не хочу, чтобы кто-то заходил и видел этот бардак.

Даша села на кровати. В свои семнадцать она была уже почти взрослой — высокой, худой, с острыми плечами и вечно недовольным лицом. Последние два года они с матерью ссорились постоянно. Из-за учёбы, из-за одежды, из-за друзей. Из-за всего.

— Какие гости? — спросила Даша.

— У меня день рождения. Ты забыла?

Даша помолчала.

— А, точно. Сорок один.

Это прозвучало так, будто «сорок один» — это приговор. Светлана почувствовала, как внутри закипает раздражение.

— Что значит «а, точно»? Ты не поздравила меня, между прочим.

— С днём рождения, мам.

— Спасибо, дочь. Очень искренне.

Светлана вышла, хлопнув дверью. В груди горело. Она ненавидела этот тон, этот взгляд, эту небрежность. Даша была вся в отца — не только внешне, но и характером. Тот же скепсис, та же молчаливая насмешка. И та же способность ранить словами, даже не повышая голоса.

Светлана вышла замуж в двадцать три. Она была влюблена — так, как влюбляются только в первый раз: с ощущением, что мир перевернулся и теперь крутится вокруг одного человека. Его звали Андрей. Он был красивый, высокий, с тёмными кудрями и карими глазами. Учился на архитектора, но бросил на четвёртом курсе. Говорил, что хочет своё дело. Светлана верила.

Они прожили вместе десять лет. Сначала — съёмная квартира, потом — эту хрущёвку купили в ипотеку. Андрей то работал, то не работал. То начинал бизнес — продажа стройматериалов, — то бросал. То брал деньги у её родителей, то обижался, когда она напоминала о долгах. Он был обаятельным, лёгким, душа компании. Но лёгкость эта была не от силы — от безответственности.

Когда родилась Даша, Светлана думала, что он остепенится. Не остепенился. Когда Даше было семь, Андрей ушёл к другой женщине — моложе, красивее и, как он сказал, «не пиля-

щей». Светлана запомнила это слово на всю жизнь. «Пилящая». Это она-то, которая тащила на себе всё: дом, ребёнка, его долги, его депрессии, его вечные «завтра начну».

После развода она запретила себе плакать. Просто отрезала. Ни слезинки. Она стала Светланой, которую все знают сейчас: жёсткой, властной, непримиримой. «Гитлер в юбке» — это прозвище родилось на работе, в стоматологической клинике, где она доросла до старшего администратора. Она знала, что её так называют. Ей было всё равно.

Мужчины после Андрея были. Двое. Один — вдовец с двумя детьми, который искал не женщину, а домработницу. Вторым — моложе неё на пять лет, альфонс, который жил за её счёт полгода, пока она не выставила его с чемоданом. После него она сказала себе: «Хватит».

Теперь в её жизни были только дочери и работа. И сегодняшний день рождения.

К двум часам всё было готово. Салаты стояли в холодильнике, курица запекалась в духовке, стол был накрыт в зале — единственной проходной комнате, которая служила и гостиной, и столовой, и кабинетом, когда нужно было поработать из дома. Светлана надела праздничную блузку — бордовую, с бантом у ворота, — и нарядилась. В свои сорок один она выглядела хорошо: ухоженная, подтянутая, с короткой стрижкой и решительным подбородком.

Гости начали собираться в три. Пришли Лена — коллега из клиники, полная, смешливая, с букетом роз. Пришла Ира — бывшая однокурсница, теперь риэлтор, с коробкой конфет. Пришла Катя — соседка из соседнего подъезда, с которой Светлана дружила ещё с тех времён, когда гуляли с колясками. Пришли ещё двое — Наташа и Оля, девчонки с работы.

Квартира наполнилась женскими голосами. Звон бокалов, смех, запах духов и запечённой курицы. Светлана сидела во главе стола, прямая как струна, и чувствовала себя королевой. Она любила этот момент: когда всё так, как она задумала. Когда она контролирует ситуацию.

— Ну, Светка, за тебя! — подняла бокал Лена. — За твои сорок один! Ты выглядишь на тридцать, честное слово.

— Спасибо, девочки. Спасибо, что пришли.

Выпили. Закусили. Разговор потёк сначала по плану — работа, дети, отпуск, кто где был и что видел. Но через час, когда открыли вторую бутылку шампанского, темы стали опаснее.

— А ты, Свет, больше не хочешь замуж? — спросила Ира, жуя оливье.

Светлана напряглась.

— Зачем?

— Ну как зачем? Мужик в доме нужен.

— Мне не нужен. У меня двое детей, работа, квартира. Я сама со всем справляюсь.

— Так это не для справляться, — вмешалась Катя. — Это для души.

Светлана хмыкнула.

— Для души у меня подруги. А мужики — они либо козлы, либо уроды. Третьего не дано.

Лена засмеялась.

— Ну ты, Светка, даёшь! А может, тебе просто нормальные не попадались?

— А они есть? Нормальные-то?

За столом заспорили. Светлана говорила громче всех, чеканила слова как приговоры. Она приводила примеры: бывший муж — безответственный эгоист. Вдовец — искал нянюку для своих детей. Альфонс — жил за её счёт. Подруги пытались возражать, но Светлана перебивала. Её правда была нерушимой. Она не допускала мысли, что может быть иначе.

В разгар этого спора в комнату вошла Даша.

Она не постучалась. Просто открыла дверь и встала на пороге. Джинсы, чёрная футболка, волосы собраны в небрежный пучок. На лице — знакомое выражение: смесь скуки и презрения.

— Мам, я к Насте. Можно?

Светлана обернулась. Гости притихли.

— К Насте? А уроки?

— Я сделала.

— А биология? У тебя экзамен через две недели, Даша. Ты хоть понимаешь, что если ты его завалишь, то ни в какой медицинский не поступишь?

— Я не хочу в медицинский.

Повисла пауза. Светлана медленно поставила бокал.

— Что значит «не хочу»? Мы же договорились.

— Ты договорилась. Не я.

Гости переглядывались. Ира уткнулась в тарелку. Лена кашлянула.

— Даша, — голос Светланы стал ледяным. — Мы поговорим об этом позже. А сейчас будь добра, не порти мне вечер.

— Я не порчу. Я просто спросила, можно ли мне пойти к подруге.

— Нет. Нельзя. Ты останешься дома.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

Даша посмотрела на мать долгим взглядом. Тем самым. Исподлобья. Карие глаза — глаза Андрея — сверкнули.

— Ты всегда так говоришь. «Я так сказала». А ты хоть раз спросила, чего я хочу?

— Даша, — предупредила Светлана.

— Ты всех мужиков ненавидишь, а сама просто боишься, что тебя никто не полюбит!

Это прозвучало как пощёчина. Слова разрезали воздух и повисли в нём, дрожа. Гости замерли. Лена прижала ладонь к губам.

Светлана побелела. Она встала из-за стола — медленно, как поднимается зверь перед прыжком.

— Повтори.

Даша молчала. В её глазах на секунду мелькнул страх — но тут же пропал. Она стояла, выпрямившись, и смотрела на мать с вызовом.

— Повтори, что ты сказала.

— Ты боишься, — тихо сказала Даша. — Ты всю жизнь боишься. Папа ушёл не потому, что он козёл. Он ушёл, потому что ты его достала.

Светлана схватила со стола тарелку с тортом. Первую попавшуюся. Она не собиралась бросать — просто схватила, потому что руки должны были что-то сделать, иначе они бы вцепились дочери в плечи.

А потом она увидела своё отражение в стекле серванта. Женщина с перекошенным лицом, с тарелкой в руке, готовая метнуть её в собственную дочь.

Она опустила руку. Поставила тарелку обратно. Взяла её снова — и пошла к выходу.

— Свет, ты куда? — подала голос Катя.

Светлана не ответила. Она прошла мимо Даши, не глядя на неё, открыла входную дверь и вышла на лестницу. В руке — тарелка с тортом, замотанная в фольгу. Она спускалась по ступенькам, не видя ничего перед собой. Сначала на второй этаж. Потом на первый.

Остановилась у двери квартиры №2.

Она знала, кто там живёт. Сергей, автомеханик, и его жена Оксана с двумя детьми. Она знала, что Сергея завтра отправляют. Знала — и весь день гнала от себя эту мысль, потому что она не вписывалась в праздник. Но сейчас, стоя перед его дверью с дурацкой тарелкой торта, она вдруг поняла, зачем пришла.

Она пришла не к Сергею. Она пришла, потому что не могла оставаться там, наверху, где дочь сказала ей правду. И потому что здесь, за этой дверью, происходило что-то настоящее. Что-то, что больше её обид, её контроля, её «я так сказала».

Она нажала на звонок.

Дверь открыл Сергей. В старой футболке, в трениках. Руки в масле. Лицо усталое, но спокойное.

— Света?

— Привет. У меня день рождения. Вот... торт. Тебе. Вам.

Она сунула ему тарелку. Сергей взял, посмотрел на неё, потом на Светлану.

— Спасибо. Зайдёшь?

— Нет. Не могу. У меня гости.

— Ну спасибо тогда. От всех нас.

Светлана кивнула. Она хотела развернуться и уйти, но что-то держало. Она стояла и смотрела на этого мужчину — обычного, уставшего, с мозолями на руках, — и думала: «Он завтра уходит на войну. А я тут со своими истериками».

— Серёж, — сказала она тихо. — Ты это... возвращайся. Ладно?

— Постараюсь.

— Нет. Ты возвращайся. У тебя дети.

Он кивнул. Она кивнула в ответ.

И пошла наверх.

На лестнице, между первым и вторым этажом, она остановилась. Прислонилась к стене. Стена была холодная, шершавая — краска облупилась, проступал бетон. Из квартиры Сергея пахло борщом. Сверху доносился смех её гостей — они, видимо, решили не прерывать праздник. И правильно.

Светлана закрыла глаза.

«Ты боишься, что тебя никто не полюбит».

Даша попала в точку. Не в бровь, а в глаз. Потому что Светлана действительно боялась. Боялась с того самого дня, когда Андрей собрал чемодан и сказал: «Ты меня достала». С тех пор она строила вокруг себя крепость — из правил, из контроля, из «я сама». Она стала сильной, жёсткой, неуязвимой. Но внутри, под этой бронёй, жила та самая девочка, которую бросили. Которая плакала ночами в подушку, пока маленькая Даша спала в соседней комнате. Которая поклялась себе: «Больше никогда».

И вот теперь её собственная дочь — плоть от плоти, кровь от крови — стоит напротив и говорит ей в лицо: «Ты боишься».

Светлана открыла глаза. На лестнице было тихо. Только сверху, из её квартиры, доносился голос Лены: «Да нормально всё, девочки, ща вернётся».

Она пошла наверх.

У двери своей квартиры она столкнулась с Рашидом из шестой. Он стоял на площадке с каким-то пакетом и смотрел на неё неуверенно.

— Извините, — сказал он с акцентом. — У вас музыка. Мой сын хотел... — он запнулся. — С праздником вас.

Светлана посмотрела на него. Обычно она бы прошла мимо. Обычно она бы сказала: «Какой ещё сын, у меня гости». Но сейчас она вдруг увидела этого человека. По-настоящему увидела. Уставшие глаза, руки в цементе, пакет с чем-то домашним.

— Спасибо, — сказала она. — Хотите, заходите? У меня там торт есть.

Рашид моргнул. Он явно не ожидал.

— Нет, спасибо. У меня жена, дети ждут. Просто... с праздником.

— Спасибо, — повторила Светлана.

Он кивнул и пошёл вниз. Она открыла дверь.

В коридоре стояла Даша. Она не ушла к подруге. Она стояла, прислонившись к стене, и ждала. Лицо было бледное, под глазами — тени.

— Мам, — сказала она тихо. — Я не хотела...

— Хотела, — перебила Светлана. — Ты хотела. И ты была права.

Даша удивлённо подняла глаза.

Светлана подошла к ней. Взяла за плечи — не сильно, не грубо, просто взяла. И посмотрела в эти карие глаза, которые так ненавидела и так любила одновременно.

— Я боюсь, — сказала она. — Да. Боюсь. Но это не значит, что я не люблю тебя.

Даша молчала. Потом её губы дрогнули. Она уткнулась лицом матери в плечо — в эту самую бордовую блузку с бантом — и заплакала.

— Я не хочу в медицинский, мам. Я хочу рисовать. Я давно хотела сказать, но ты не слушала.

Светлана гладила её по тёмным волосам — волосам Андрея — и молчала. Она не сказала: «Хорошо, иди рисуй». Она не сказала: «Нет, пойдёшь в медицинский». Она просто стояла и гладила.

А из зала доносился смех подруг, звон бокалов, и Лена кричала: «Светка! Ты где? У нас тост!»

Светлана отстранилась. Вытерла дочери слёзы большим пальцем.

— Иди умойся. И за стол садись. Там девочки тебя ждут.

— Я не хочу за стол.

— А я хочу, чтобы ты была.

Даша кивнула. Пошла в ванную.

Светлана поправила блузку, проверила макияж в зеркале прихожей и вернулась к гостям.

— Ну, девочки, — сказала она, садясь во главе стола. — На чём мы остановились?

И Лена снова подняла бокал: «За тебя, Светка!» И все выпили. И Даша через десять минут села за стол — тихая, умытая, с красными глазами, — и Светлана положила ей салат, и никто ничего не спросил.

День рождения продолжался.

Поздно вечером, когда гости ушли и посуда была вымыта, Светлана сидела на кухне. Свет не включала — горела только вытяжка, бросая бледный свет на столешницу. Даша спала в своей комнате, Аня — в детской.

Светлана сидела и смотрела в стену. Думала о Сергее из квартиры №2, который завтра наденет форму. О Рашиде, который так и не зашёл. О Галине Петровне, которую она даже не знала, — а через час её найдут на полу в прихожей, на два этажа ниже.

Думала о Даше. О том, что дочь сказала правду.

«Ты боишься, что тебя никто не полюбит».

— Я боюсь, — сказала Светлана вслух. — Но я ещё живая.

Она встала. Подошла к окну. За окном темнел двор: качели, старая «Газель», тополя с набухшими почками. Где-то лаяла собака. Где-то смеялись подростки.

Светлана закрыла глаза и впервые за долгое время не почувствовала внутри пустоты. Только усталость. И что-то ещё — может быть, надежду.

Квартира №6. «Чужие»

Суббота, май. Вечер.

Фатима резала морковь.

Нож стучал по деревянной доске ровно, быстро — так, как стучал уже тридцать лет, с тех пор как мать впервые поставила её, девятилетнюю, к столу и сказала: «Учись. Мужчина приходит туда, где пахнет едой».

Сейчас ей было тридцать восемь. Руки помнили каждое движение. Морковь ложилась тонкими оранжевыми полумесяцами, лук — прозрачными кольцами, мясо — ровными кубиками. Плов требовал порядка. Всё в её жизни требовало порядка — может, поэтому она так любила готовить.

Кухня в хрущёвке была крошечная — пять с половиной метров. Когда-то, двенадцать лет назад, войдя сюда впервые, Фатима заплакала. В их доме под Худжандом кухня была вдвое больше, и во дворе стояла печь-тандыр, и вся улица пропахла дымом и специями. Здесь же — узкая плита «Гефест», вытяжка, которая гудела, как больной верблюд, и окно, выходящее в стену соседнего дома.

Но она привыкла. Ко всему привыкла.

— Мам! — из комнаты высунулся Тимур. Девять лет, вихры на макушке, футболка с Человеком-пауком. — Там музыка наверху! Тётя Света празднует, да? Можно я пойду посмотреть?

Фатима даже не обернулась.

— Нельзя. Там чужие люди.

— Ну мам! Там весело!

— Я сказала: нельзя.

Тимур насупился, но спорить не стал. Знал: если мать сказала «нет» таким голосом — тихим, без раздражения, но твёрдым, как камень, — значит, бесполезно.

Он ушёл обратно в комнату. Фатима продолжала резать лук. Глаза щипало, но она не плакала.

Рашид вернулся домой в шесть вечера.

Он работал на стройке — многоэтажка на окраине города, очередной человек. Сегодня была суббота, но их попросили выйти: горели сроки, прораб матерился, обещали двойную оплату. Рашид согласился: деньги были нужны. Старшему, Рустаму, четырнадцать, ему нужен компьютер для учёбы. Малике — пять, ей нужна одежда, она растёт как трава. Тимур — велосипед, он просит уже второй год.

Он вошёл в прихожую, снял пыльные ботинки, повесил куртку. От него пахло цементом и потом. Он устал так, что гудели кости, но внутри было спокойно. Стройка — это понятно. Там есть задача и есть результат. Ты кладёшь кирпич — и он лежит. Ты заливаешь раствор — и он застывает. Всё просто.

Сложно было другое.

— Ассалому алейкум, — сказал он, заходя на кухню.

— Ваалейкум ассалом, — ответила Фатима, не оборачиваясь.

Он сел за стол. Стол был маленький, пластиковый, накрытый клеёнкой — Фатима берегла его, как умела. На клеёнке — цветы, уже выцветшие от времени. Рашид смотрел на эти цветы и думал о том, что они здесь двенадцать лет. Двенадцать лет — а он до сих пор не знает, как зовут соседа из седьмой квартиры.

— Я видел на лестнице молодых, — сказал он. — Из восьмой. Они ремонт делают. Женщина беременная ходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.